

На правах рукописи

АРТАМОНОВА ЖАННА ВЛАДИМИРОВНА

**МОСКОВСКИЙ ОТКРЫТЫЙ ПРОЦЕСС 1936 Г.:
МЕХАНИЗМ ОРГАНИЗАЦИИ И
ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва

2011

Работа выполнена на кафедре истории Российского государства факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: Доктор исторических наук, профессор
Лившин Александр Яковлевич

Официальные оппоненты: Кандидат исторических наук
Голубев Александр Владимирович,

Доктор исторических наук
Хлевнюк Олег Витальевич

Ведущая организация: Российский государственный
гуманитарный университет

Защита состоится «11» ноября 2011 г. в « » часов на заседании Диссертационного совета Д 501.001.98 в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, , ауд. А-619.

E-mail: DissHist@spa.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Фундаментальной библиотеки имени А.М. Горького МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, сектор А, ком. 114.

Автореферат разослан «11» октября 2011 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Н.Л. Головкина

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Судебные политические процессы (далее – СПП), проводившиеся на открытых и закрытых заседаниях, являлись неотъемлемой частью репрессивной политики 1920-1930-х гг. По своей природе, смыслу, механизмам проведения СПП отличались как от обычных судебных заседаний, так и внесудебных репрессий, представляя их видимую часть. Особенными в ряду известных СПП являются три Московских открытых процесса 1936-1938 гг.

Исследовательский и общественный интерес к теме сталинских репрессий и к их феномену - показательным процессам - сформировался еще в период перестроечной гласности. Обращение к этой, одной из наиболее «острых», спорных и драматичных тем советской истории вызывает сегодня многочисленные дискуссии и дебаты, нередко приобретающие политизированный характер. Имеющие место налет публицистичности, крайности в оценках, многочисленные интерпретации и версии неизменно сопровождают эту тему. Подобная ситуация не может не найти отражение и в массовом сознании россиян, что, в конечном счете, препятствует достижению общественного согласия, без которого невозможны самоидентификации современного российского общества, определение его национальной идентичности, места в мире, достижение социально-политической стабилизации и, как следствие, успешное развитие страны. Таким образом, современные общественные преобразования, очевидные изменения в социокультурной и духовной сферах современного общества требуют объективного, основанного на репрезентативной документальной базе анализа ключевых событий нашей истории, какими являются и Московские открытые процессы 1930-х гг. Кроме того, подобный анализ может оказаться полезным и поучительным и, возможно, поможет избежать прежних трагических ошибок.

Исследование Московского открытого процесса 1936 г. (далее – Московский процесс) актуально и с научной точки зрения. Прежде всего, это обуславливается существованием значительных документальных комплексов, ставших доступными в последние десятилетия и позволяющих подойти к теме с малоизученной стороны. Безусловный интерес представляет изучение

механизмов подготовки и проведения Московского процесса, его агитационно-пропагандистского сопровождения и политико-идеологического обеспечения. Эти вопросы, до сих пор недостаточно исследованные в исторической науке, дают возможность приблизиться к пониманию природы и места СПП в общей практике репрессий 1930-х гг., способствуют углублению научных знаний о принципах и приемах советской пропаганды, о пропагандистском обеспечении репрессий, об идеологическом смысле СПП, о взаимосвязи идеологических и политических кампаний, о механизмах, обеспечивающих в массовом сознании легитимацию репрессивной политики государства. Кроме того, принимая во внимание тот факт, что традиция СПП сохранилась на протяжении всего советского периода, многие рассмотренные в настоящем исследовании проблемы выходят за рамки 1930-х гг., и, таким образом, позволяют более глубоко понять феномен СПП и их роль в истории.

Объектом исследования является Московский открытый процесс в контексте проведенной в 1934-1936 гг. политической, агитационно-пропагандистской, идеологической и мобилизационной кампании по окончательной дискредитации и физическому уничтожению деятелей оппозиции 1920-х гг.

Предметом исследования является формирование и реализация на практике обвинительной, информационной, идеологической, организационно-политической и агитационно-пропагандистской составляющих Московского процесса.

Целью диссертационного исследования является изучение Московского процесса как политико-идеологической кампании.

Для реализации обозначенной цели поставлены следующие **задачи**:

- изучить судебные, политические, репрессивные и агитационно-пропагандистские мероприятия, последовавшие после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., представить их хронологическую и смысловую последовательность, идеологический и политический смысл;

- исследовать вопросы подготовки и проведения Московского процесса, определить роль И.В. Сталина и его советников, изучить механизм принятия властных решений о процессе;

- рассмотреть идеологическое содержание и агитационно-пропагандистское сопровождение Московского процесса в центре и на местах;
- выявить и изучить доминирующие общественные настроения в отношении Московского процесса в СССР и за рубежом;
- проследить начало организации в Западной Европе и Америке параллельной Московскому процессу контркампании под руководством Л.Д. Троцкого и Л. Седова.

Территориальные рамки исследования определяются границами СССР 1930-х гг., где проводилась политическая кампания Московского процесса.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1 декабря 1934 г. по конец сентября 1936 г. Выбор нижней границы обусловлен датой убийства С.М. Кирова - 1 декабря 1934 г. Это событие положило начало целой серии СПП над представителями бывшей партийной оппозиции. Верхней границей исследования выбран период, когда, во-первых, оживление, вызванное процессом, начинает затухать, что нашло отражение в практически полном прекращении публикаций материалов на данную тему в «Правде» и обсуждений итогов процесса на заседаниях местных парторганизаций, а, во-вторых, в идейном содержании кампании происходят значительные изменения.

Степень изученности проблемы. То обстоятельство, что Московский процесс является одним из проявлений «большого террора», предопределило изучение широкого круга литературы, посвященной тому или иному аспекту репрессивной политики. В изучении настоящей темы можно выделить два основных периода: советский - 1930-1980-е гг. и российский - 1990-е - 2000-е гг.

Московские открытые процессы 1930-х гг. долгое время оставались за пределами советской историографии, что объясняется закрытостью и идеологизированностью темы, а также отсутствием должной документальной базы для проведения исследований. Они упоминались лишь в агитационной литературе и литературе по истории партии, где рассматривались с позиций классового подхода как закономерный этап в ходе борьбы партии с политическими противниками¹.

---

¹ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья. М., 1975; О методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры: Сборник. М., 1937; Шпионам и изменникам Родины нет и не будет пощады: Сб. статей. М., 1937.

В известной мере упомянутая лакуна компенсируется трудами зарубежных историков, советологов и обществоведов (А. Авторханов, Х. Берман, С. Коэн, Р. Конквест, Р. Медведев, Р. Такер)², исследования которых в 1960-1970-е гг. надолго определили господствующие в историографии ключевые подходы и оценки. Так, Р. Конквест одним из первых в мировой историографии поднял тему «большого террора»³. Опираясь на опубликованный материал, он изучил основные направления репрессивной политики, в том числе и показательные процессы 1930-х гг. Несмотря на противоречивость и слабую обоснованность ряда выводов этой книги, именно она положила начало исследованиям по указанной проблематике. Между тем, многие вопросы, связанные с подготовкой и проведением Московских процессов, указанными авторами рассматривались достаточно фрагментарно и поверхностно, что объясняется, прежде всего, неполнотой документальной базы.

Демократизация общественно-политических процессов в стране, т.н. «архивная революция», реабилитация жертв политических репрессий в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привели к резкому увеличению исследований сталинских репрессий. В этот период в отечественной историографии наблюдались две параллельные тенденции. С одной стороны, активно публиковались и обсуждались в научных и общественных кругах труды историков - «шестидесятников» и переводы выпущенных ранее за рубежом монографий. Одной из таких работ стала книга Р.А. Медведева «О Сталине и сталинизме» (М., 1990), посвященная природе и сущности сталинизма. В том числе историк рассмотрел причины проведения Московских процессов, причины признания на них подсудимых, затронул вопросы резонанса процессов и степени их фальсификации. Между тем, исследование Р.А. Медведева, равно как и другие опубликованные в это время работы других историков-«шестидесятников» и советологов, основывались на старой, традиционной источниковой базе, которая, несмотря на свою основательность, приводила к

---

² Avtorkhanov A. Stalin and the Soviet Communist Party: a Study in the Technology of Power. N. Y., 1959; Berman H.J. Justice in the USSR: an Interpretation of Soviet Law. Cambridge, 1963; Cohen St. Bukharin and the Bolshevik Revolution: a political Biography. N. Y., 1973; Medvedev R.A. On Stalin and Stalinism. Oxford, 1979; Tucker R.C. The Great Purge Trial. N. Y., 1965.

³ Conquest R. The Great terror: Stalin's Purge of the Thirties. N.Y., 1973.

узости спектра исследовательских проблем и уже не могла отвечать запросам времени.

Параллельно развившаяся в исторической науке другая тенденция связана с расцветом публицистической литературы, что, безусловно, привело к неизбежному падению уровня исследований и отсутствию должного внимания к методологическим проблемам. В появившихся в это время многочисленных публицистических статьях и книгах, посвященных репрессиям 1930-х гг., обязательно, чаще всего без ссылок на документы, упоминались и Московские открытые процессы, которые рассматривались как символ эпохи «большого террора». Авторы (А.И. Ваксберг, Д.А. Волкогонов, В.А. Ковалев)⁴ раскрывали тайные стороны организации процессов, освещали их роль в нагнетании страха и подозрительности, рассказывали об известных политических деятелях, оказавшихся на скамье подсудимых. В целом, подобным работам присущи излишняя эмоциональность, идеологизированность, политическая тенденциозность и сегодня они, безусловно, требуют критического осмысления.

В это время проводятся и научные исследования, в том числе по истории СПП, произошедших после убийства С.М. Кирова. В этой связи стоит отметить исследование А. Кириловой, в котором, на основе подробного разбора опубликованных и неопубликованных документов, рассматриваются обстоятельства убийства и существующие в историографии версии по этому вопросу, представлены этапы следствия по делу, дана характеристика проведенных процессов⁵.

Монография В.З. Роговина под названием «1937» целиком посвящена показательным процессам 1930-х гг. Автор, на основе значительного и несколько обновленного документального комплекса, подробно рассмотрел различные аспекты организации процессов, представил комплексную трактовку целей их проведения и причин признания подсудимых, исследовал вопросы фальсификации обвинений, проанализировал произведенный процессами

---

⁴ Ваксберг А.И. Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М., 1992; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: политический портрет: И. В. Сталин: В 2 кн. / Кн. 1, ч. 2. М., 1989; Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992; Ковалев В.А. Распятие духа: судебные процессы сталинской эпохи. М., 1997.

⁵ Кирилова А. Рикошет, или сколько человек было убито выстрелом в Смольном. СПб, 1993.

общественный резонанс⁶. Монография В.З. Роговина, хотя в ней и не использовались доступные уже в то время архивные материалы, и в настоящее время представляет собой наиболее полное исследование по теме.

С конца 1990-х гг. и до настоящего времени история сталинского террора является наиболее динамичным и успешным направлением историографии. Среди многочисленных тем, интересующих историков, основными можно назвать исследование нормативно-законодательного обеспечения репрессий, структуры и деятельности правоохранительных органов, причин репрессивных акций, практики их осуществления, а также общественную реакцию и массовое сознание в годы «большого террора».

Так, в монографиях В. Кудрявцева, Ю. Стецовского и А. Трусова предпринимается юридический анализ советской правовой системы⁷. Исследователи обратили внимание на существование, помимо внесудебных репрессий, и судебных репрессивных практик. Для обозначения этого явления они вводят понятие «политическая юстиция», которая рассматривается ими как часть юридической системы, специально созданная или использованная для подавления политических противников путем применения правовых и противоправных мер. В этой связи хотелось бы отметить монографию П. Соломона «Советская юстиция при Сталине» (М., 2008), в которой дан подробный анализ форм и способов реализации уголовного преследования, в том числе и в области контрреволюционных преступлений. Автор сделал некоторые выводы, касающиеся интерпретации права в советской властной системе, характера взаимоотношений между партийными и судебно-следственными органами, особенностей использования судов в осуществлении репрессий.

В монографиях Л. Самуэльсона, Л. Наумова, В. Хаустова репрессивная политика раскрывается через историю и функционирование правоохранительных органов, участвовавших в ее реализации⁸. В исследованиях большое место уделяется становлению и развитию органов

---

⁶ Роговин В.З. 1937. М., 1996.

⁷ Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000; Стецовский Ю. История советских репрессий: В 2 т. / Т. 2. М., 1997.

⁸ Наумов Л. Сталин и НКВД. М., 2010; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936-1938 гг. М., 2009.

государственной безопасности, их кадровому составу, взаимодействию с партией и государством, в том числе и в деле организации показательных процессов.

В диссертации также использовался комплекс работ зарубежных и отечественных исследователей о советском массовом сознании и средствах идеологического воздействия на него, о способах формирования и механизмах функционирования в массовых представлениях созданных советской пропагандой образов, основным из которых стал «образ врага», об эффективности используемых средств пропагандистского воздействия.

Все выше обозначенные проблемы наиболее активно разрабатываются в западной историографии. В частности, в работах В. Голдман, С. Дэвис, Ш. Фицпатрик изучаются довоенные общественные настроения⁹. Для отечественной историографии большое значение имели сделанные за рубежом методологические разработки, связанные с изучением советского массового сознания.

Фундаментальными работами по изучению общественного сознания и общественных настроений являются труды Б.Ф. Поршнева и Б.Д. Парыгина¹⁰. Из современных отечественных исследований необходимо выделить монографии Е.Ю. Зубковой, А.Я. Лившина и Е.С. Сенявской, в которых рассматриваются не только проблемы взаимосвязи социально-политических преобразований и общественных настроений, но и большое внимание уделяется методам изучения советского массового сознания и общественных настроений¹¹.

Важной составляющей советского массового сознания 1930-х гг. был «образ врага», изучение которого активизировалось в последнее десятилетие. Исследователи раскрывают сущность понятия «образа врага», анализируют механизмы его функционирования, определяют его место в системе советской

---

⁹ Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий. М., 2010; Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent: 1934-1941. Cambridge, 1997; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е гг. М., 2001.

¹⁰ Парыгин Б.Д. Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории. СПб, 1999; Он же. Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология. М., 1971. С. 90-105; Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

¹¹ Зубкова Е.Ю. Повседневное советское общество: политика и повседневность: 1945-1953. М., 1999; Лившин А.Я. Общественные настроения в советской России: 1917-1929 гг. М., 2004; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа» врага в сознании армии и общества. М., 2006.

пропаганды (А.В. Голубев, В.А. Невежин, А.В. Фатеев)¹² и в системе социальной мобилизации накануне и в период «большого террора» (Н.Б. Арнаутов, Л.Д. Гудков, С.Н. Ушакова)¹³. Авторы подчеркивают, что «образ врага» являлся ключевой составляющей советской пропаганды, поскольку наиболее комплексно обозначал противника, актуализируя тем самым характерные для общества подсознательные ассоциации. Н.Б. Арнаутов анализирует динамику и механизм использования образа «врага народа» во время проведения Московских процессов¹⁴.

Изучение феномена СПП занимает значительное место в современной отечественной историографии. В частности, в свет вышел ряд монографий, статей и сборников документов об отдельных наиболее известных СПП¹⁵ и о ряде менее громких судебных разбирательств регионального масштаба¹⁶. В 2009 г. в Москве и в 2010 г. в Париже состоялось два семинара «Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы», на которых историками России, Украины, Франции, Италии были рассмотрены вопросы природы, предназначения и последствий СПП центрального и регионального масштаба в межвоенный и послевоенный периоды¹⁷.

¹² Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику ...»: советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е гг. М., 2008; Невежин В.А. Синдром наступательной войны: советская пропаганда в преддверии «священных боев»: 1939-1941 гг. М., 1997; Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде: 1945-1954 гг. М., 1999.

¹³ Арнаутов Н.Б. Образ «врага народа» как стереотип массового сознания // Вестник КЛИО: Тр. гуманит. фак-та НГУ. Сер. 2. Новосибирск, 2006. С. 72-80; Гудков Л. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 64-65; Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009.

¹⁴ Арнаутов Н.Б. Образ «врага народа» в контексте проведения «Больших московских процессов» 1936-1938 гг. // Судебные процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения. М., 2010. С. 85-91

¹⁵ Исаев В.И. «Они хотели убить Сталина»: ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. Новосибирск, 2005; Красильников С.А. Шахтинский процесс как социально-политический заказ // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. 2009. С. 70-93; Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние: 1922-1926 гг.: этика и тактика противоборства. М., 2005; Ушакова С.Н. Шахтинский процесс: Проблемы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. 2008. С. 73-76; Янсен М. Суд без суда: 1922 год: показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

Меньшевицкий процесс 1931 года: Сб. док. В 2 кн. / Сост. А.Л. Литвин. М., 1999; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922): подготовка, проведение, итоги: Сб. док. / Сост. С.А. Красильников. М., 2002.

¹⁶ Павлова И.В. Показательные процессы в российской глубинке в 1937 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 98-103; Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920-1930-е гг. Томск, 2008; Фицпатрик Ш. Как мыши кота хоронил: показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 387-413.

¹⁷ Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск, 2010; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011.

В целом, тема Московских открытых процессов прочно вошла в сферу интересов ученых, стала сопутствующей для исследований по истории СССР 1930-х гг., в ряде монографий поставлены важные научные вопросы, сделан ряд оригинальных наблюдений. Между тем, несмотря на обилие и разнообразие публикаций, Московские процессы в них выступают периферийным сюжетом, они до сих пор не стали самостоятельным объектом исследования, изучаются достаточно поверхностно на основе традиционного корпуса источников и в рамках отдельных, ставших традиционными с конца 1960-х гг., сюжетов. Так, в историографии имеется комплексная трактовка целей проведения Московских процессов и причин признания на них подсудимых, воссоздан ход их проведения, определена роль И.В. Сталина в деле их организации и роль главного обвинителя – А.Я. Вышинского, изучаются биографии подсудимых. Некоторыми историками исследуется вопрос о степени фальсификации обвинений, представленных на показательных процессах, ряд историков оценивает открытые процессы с юридической точки зрения, выявляя нарушения следственной процедуры и норм судопроизводства. Между тем, как показал историографический анализ, многие монографии лишь повторяют или несколько детализируют ранее известные факты.

Таким образом, несмотря на внимание со стороны исследователей и общественный интерес к этой проблеме, тема «послекировских» СПП до сих пор остается слабоизученной, феномен центральных Московских процессов не стал предметом специального углубленного исследования. В частности, в работах отсутствует анализ Московского процесса как политической мобилизационной кампании, практически не рассмотрена его преемственность с предшествующими СПП, репрессивными и следственными мероприятиями 1934-1935 гг., а также его роль и место в общей практике репрессий 1930-х гг. Требуется детализации роль И.В. Сталина и его соратников в деле подготовки и проведения Московского процесса, механизм принятия властных решений о процессе, его политико-идеологическое и агитационно-пропагандистское сопровождение, а также общественный резонанс. Таким образом, проведенный историографический анализ позволил определить ту нишу в исследованиях, которую может занять интересующая нас тема, полноценное, более точное и

детальное изучение которой возможно только с помощью планомерного выявления и исследования наиболее полного комплекса архивных документов.

Источниковая база исследования включает значительный массив архивных документов и опубликованных материалов различного происхождения. Для написания диссертационной работы были использованы документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального архива общественно-политической истории г. Москвы (ЦАОПИМ).

Основу источниковой базы исследования составили документы личного фонда Н.И. Ежова (РГАСПИ. Ф. 671). Большая и самая значимая часть материалов фонда относится к началу партийной карьеры Н.И. Ежова в 1933-1936 гг., что дает возможность проследить его перемещения по карьерной лестнице, изучить события, связанные с его профессиональной деятельностью на том или ином посту, и, в конечном счете, понять, как он стал инструментом осуществления сталинской репрессивной политики, названной «ежовыми рукавицами».

По интересующей нас теме в фонде можно выделить следующие тематические группы документов. В первую группу включены материалы следствия по делу об убийстве С.М. Кирова и стенограммы проведенных в 1934-1935 гг. закрытых СПП. Подобные материалы позволяют проанализировать механизм подготовки и проведения судебных, политических, репрессивных и агитационных мероприятий по дискредитации и физическому уничтожению бывших деятелей оппозиции, определить их организаторов, поэтапно изучить формирование их обвинительной составляющей.

Ко второй группе материалов относятся документы о подготовке и проведении Московского процесса. Среди этой группы отдельно стоит назвать материалы, позволяющие определить идеологическую составляющую дела и изучить роль Н.И. Ежова в разработке этой, наиболее важной, части политических кампаний 1934-1936 гг. (проекты закрытых писем ЦК ВКП(б) и материалы к выступлениям Ежова на пленумах ЦК ВКП(б) 1934-1937 гг., написанная им книга «От фракционности к открытой контрреволюции»).

Особый интерес представляют протоколы допросов и очных ставок арестованных с февраля по август 1936 г. - именно в это время проводилось наиболее активное следствие по делу. Использование этих документов дает возможность выделить этапы следствия и методику его проведения, определить какого рода показания легли в его основу, какие аспекты дела в тот или иной момент привлекали организаторов следствия, изучить проблему выработки формулы обвинения и списка обвиняемых.

В документах фонда Н.И. Ежова сохранился и значительный по объему блок документов о подготовке и проведении Московского процесса - проекты постановления Политбюро ЦК ВКП(б), Президиума ЦИК СССР о порядке ведения и освещения процесса, списки на получение пропусков на судебные заседания, стенограммы судебных заседаний, варианты обвинительного заключения и приговора Военной коллегии Верховного суда СССР. Особый интерес представляют черновики писем Н.И. Ежова и Л.М. Кагановича на имя И.В. Сталина с информацией о судебных заседаниях. Кроме того, ценным источником являются блокноты с краткими рабочими записями поручений, с перечнями фамилий, заметок об арестах, проведении допросов и другой текущей работы Н.И. Ежова. Все эти документы позволяют изучить содержание организационных и технических вопросов, возникающих по ходу Московского процесса, исследовать механизм принятия властных решений о процессе и их реализацию на практике.

Третья группа документов дает представление о реакции населения на Московский процесс. Среди них различные письма, сообщения с оценками процесса, сводки, отклики советских и зарубежных граждан, стенограммы выступлений бывших оппозиционеров на партийных собраниях, их статьи и письма на имя Н.И. Ежова.

Важным источником для решения поставленных задач являются документы руководящих партийных органов общегосударственного уровня. К ним относятся материалы органов коллективного руководства ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17) – пленумы, Политическое и Организационное бюро, Секретариат ЦК ВКП(б). Использование такого комплекса документов

позволяет проследить, как принималось то или иное постановление, какую правку оно претерпело, установить, кто был его автором.

Важные материалы, связанные с темой диссертации, отложились в личных архивах партийных деятелей, собранных и ныне хранящихся в РГАСПИ – фонды И.В. Сталина (Ф. 558. Оп. 11), А.А. Андреева (Ф. 73), К.Е. Ворошилова (Ф. 74), Н.И. Ежова (Ф. 671), А.А. Жданова (Ф. 77), Л.М. Кагановича (Ф. 81), Л.З. Мехлиса (Ф. 386), В.М. Молотова (Ф. 82), Г.К. Орджоникидзе (Ф. 85), П.Н. Поспелова (Ф. 629), Н.С. Хрущева (Ф. 397), Е.М. Ярославского (Ф. 89). Наиболее интересным и содержательным источником является служебная переписка, поскольку она отражает взаимоотношения и действия советских лидеров, позволяет изучить механизм выработки и принятия решений о процессе, определить основных его организаторов, методику распределения обязанностей между ними и степень их участия в подготовке процесса. Кроме того, в названных личных фондах хранится большой комплекс докладов, статей фондообразователей на партийных съездах, конференциях, собраниях партийных активов. Подобные источники представляют значительный интерес для заявленной темы, так как позволяют определить, какими способами и какими путями происходило освещение процесса, какие материалы при этом использовались, какую роль в этом сыграли конкретные партийные функционеры.

К исследованию привлечены также документы фондов высших органов государственной власти и управления советского периода, участвовавших в формировании и функционировании карательной системы (хранятся в ГАРФ) – ЦИК СССР (Ф. Р-3316), СНК СССР (Ф. Р-5446), НКВД СССР (Ф. Р-9401), Прокуратура СССР (Ф. Р-8131), Верховный суд СССР (Ф. Р-9474).

В диссертации использованы документы фондов ЦАОПИМ о проведении местными парторганизациями агитационно-пропагандистской кампании вокруг процесса в Москве и Московской области. Кроме того, материалы этого архива позволяют использовать такой особенный и специфический источник советской эпохи как информационные сообщения о настроениях масс, который дает возможность выявить доминирующие общественные настроения, представить определенные тенденции в отношении советского общества к

Московскому процессу и оценить степень эффективности воздействия проведенной пропагандистской кампании.

К исследованию был привлечен и комплекс документов из коллекции Гуверского института войны, революции и мира (ГАРФ. Ф. Р-10003), где отложилась переписка Л. Седова с сотрудниками своего секретариата в Париже, с членами троцкистских организаций, сторонниками Л.Д. Троцкого в различных городах Европы о подготовке и проведении в Западной Европе и Америке параллельной Московскому процессу контркампании, призванной доказать его юридическую несостоятельность.

Опубликованные документы в соответствии со своим происхождением подразделяются на несколько групп: 1) законодательно-нормативные акты; 2) документы ЦК ВКП(б); 3) переписка высшего партийного руководства СССР; 4) документы о настроениях населения; 5) материалы периодической печати; 6) мемуары и воспоминания.

Первая группа источников представляет собой комплекс официальных документов партии и правительства - Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г., резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б), декреты и постановления советского правительства и ВКП(б) о внутрипартийной борьбе и постановке агитационно-пропагандистской работы¹⁸.

Материалы второй и третьей групп существенно дополняют обнаруженные автором диссертации архивные документы. В частности, материалы ЦК ВКП(б) опубликованы в виде повесток дня, некоторых стенограмм заседаний и ряда постановлений Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁹. В 1991 г. был издан сборник документов с аналитическими материалами КПК и ИМЛ при ЦК КПСС, Прокуратурой СССР, КГБ СССР о механизмах фабрикация СПП в 1920-1950-х гг.²⁰. В настоящее время активно публикуется переписка высшего партийного

¹⁸ Декреты Советской власти. Т. 1-5. М., 1957; Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922-1936): Сб. документов. М., 1940; Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937): Сб. документов. М., 1940; ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. 1925-1935 гг. М., 1936; 17 съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1934; Сталин И.В. Сочинения: 1917-1953 гг. Тверь, 2006.

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919-1952 гг.: Каталог. В 3 т. / Т. 2: 1930-1939 / Сост. Г.М. Адиебеков, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая и др. М., 2001; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), 1923-1938 гг. В 3 т. / Т. 3: 1928-1938 гг. / Сост. Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк и др. М., 2007; Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. / Сост. О.В. Хлевнюк. М., 1995.

²⁰ Реабилитация: политические процессы 30-50-х годов. М., 1991.

руководства. Основопологающей для настоящего исследования, как по составу документов, так и по сопровождающему их научно-справочному аппарату стала переписка между И.В. Сталиным и Л.М. Кагановичем и между И.В. Сталиным и В.М. Молотовым²¹.

К четвертой группе документов относятся опубликованные письма советских граждан в государственные структуры и советским вождям. Использование подобных материалов дало возможность расширить предпринятое в настоящей диссертации исследование общественной реакции на проведенный процесс²².

В работе используются материалы центральных газет «Правда» и «Известия», политико-экономического двухнедельника ЦК ВКП(б) «Большевик», журнала «Спутник агитатора для города», а также выборочно материалы печатных органов областных и краевых организаций партии за 1934-1936 гг. Материалы советской периодической печати, несмотря на их тенденциозность, являются незаменимым источником для реконструкции проводимых пропагандистских кампаний. Кроме того, в диссертации для анализа отношения зарубежной прессы к Московскому процессу использовались материалы английской газеты «The Times».

Ценным источником являются материалы личного происхождения и, прежде всего, мемуары государственных деятелей – Л.М. Кагановича, В.М. Молотова, А.И. Микояна, Н.С. Хрущева²³. Широко известными воспоминаниями по истории показательных процессов являются воспоминания генерала НКВД А. Орлова²⁴. Несмотря на то, что уже давно доказана практически полная фальсификация содержащейся в них информации, они продолжают активно использоваться в исторических исследованиях, обширные

²¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925-1936: Сб. документов / Сост. Л. Кошелева, Л. Лельчук, В. Наумов и др. М., 1995; Сталин и Каганович: переписка, 1931 - 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева и др. М., 2001. 798 с.; Советское руководство: Переписка, 1928-1941. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999.

²² Письма во власть: 1928 – 1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.В. Квашонкин, А. Берелович и др. М., 2002; Общество и власть, 1930-е гг.: повествование в док. / Сост. С.В. Журавлев и др. М., 1998; Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Сост. С.В. Журавлев и др. М., 1998.

²³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Феликса Чуева. М., 1991; Он же. Так говорил Каганович. М., 1992; Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 2002; Микоян А.И. Так было: размышления о минувшем. М., 1999; Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания: В 4 кн. М., 1999.

²⁴ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк, Иерусалим, Париж, 1983.

заимствования из них перекочевали в некоторые работы о сталинизме. Стоит отметить воспоминания немецкого писателя Л. Фейхтвангера, присутствовавшего на Московских процессах²⁵. Воспоминания писателя интересны тем, что в них нашло отражение не только его личное отношение, но и отношение Европы к происходящим в СССР событиям. К написанию диссертации были привлечены также дневники и переписка зарубежных писателей, позитивно относящихся к СССР (Т. Манн, Р. Роллан, С. Цвейг). Часть этих материалов была опубликована²⁶, а часть хранится в личных фондах И.В. Сталина и Н.И. Ежова в РГАСПИ.

Таким образом, обширность и разнообразие источниковой базы дает солидную документальную основу для реализации задач диссертационного исследования.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что впервые в историографии представлено комплексное исследование Московского процесса как политико-идеологической мобилизационной кампании.

В диссертации доказано, что существующее мнение о недостатке документов для изучения репрессивных кампаний 1934-1936 гг. не соответствует действительности. В диссертации впервые к научному анализу были привлечены судебные материалы по делу об убийстве С.М. Кирова за 1934-1936 гг., проекты и итоговые варианты многочисленных идеологических документов, составивших содержательную базу проводившихся в 1934-1936 гг. политических, репрессивных и агитационно-пропагандистских кампаний, стенограммы «послекировских» СПП.

К исследованию более активно, чем это традиционно делается, был привлечен блок документов о непосредственной подготовке и проведении Московского процесса, в том числе и переписка между И.В. Сталиным, Н.И. Ежовым и Л.М. Кагановичем. Впервые к научному анализу была привлечена работа Н.И. Ежова «От фракционности к открытой контрреволюции», ранее недостаточно используемая или используемая лишь в качестве

---

²⁵ Фейхтвангер Л. Москва 1937: отчет о поездки для моих друзей. М., 2001.

²⁶ Мотылева Т. Друзья Октября и наши проблемы // Иностранная литература. 1988. № 4. С. 158-173; Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920-1970 / Отв. ред. Т.В. Балашова. М., 2002.

иллюстративного материала. Из-за отсутствия документов идеологического аппарата ЦК ВКП(б) за 1930-е гг., материалы «Правды» рассматривались как результат указаний руководства страны по освещению в СМИ Московского процесса, на основе их анализа были выделены этапы сопровождающей процесс агитационно-пропагандистской кампании.

Впервые в научный оборот был введен большой комплекс архивных документов о восприятии обществом Московского процесса, а также материалы местных партийных комитетов, первичных партийных организаций о постановке агитационной и пропагандистской работы в связи с процессом.

Таким образом, проведенное в диссертации фронтальное выявление исторических источников по теме, установление логических связей между отдельными документами и документальными комплексами, а также детальное изучение документов фонда Н.И. Ежова позволило существенно расширить информационные возможности темы. В частности, в диссертации впервые в историографии подробно воссоздается картина подготовки и проведения руководством страны «послекировских» СПП, изучается механизм согласования и принятия властных решений по этим вопросам. Впервые выявлены этапы единых по смыслу и замыслу политических, репрессивных, судебных, идеологических, агитационно-пропагандистских «послекировских» кампаний, определены роль партийных и государственных органов, И.В. Сталина и его соратников в их организации. Впервые в комплексе рассматриваются вопросы, связанные с разработкой и содержанием политико-идеологического сопровождения Московского процесса и его агитационно-пропагандистской кампании.

Методологическую основу диссертации составляют общенаучные принципы исследования, такие как историзм, объективность, научность, системность, комплексность и всесторонность. Следование названным принципам дало возможность рассмотреть поставленную проблему с учетом общих тенденций исторического развития страны, проанализировать выявленные факты в их совокупности и взаимосвязи, рассмотреть репрессивную политику в виде сложной иерархической системы, а СПП 1934-1936 гг. как системный компонент этой политики. Все это позволило уточнить

внутреннюю структуру, сущность и природу СПП 1934-1936 гг., а значит и определить место судебных репрессий в общей репрессивной практике режима.

Наряду с фундаментальными принципами исследования, в диссертации использовался комплекс общеисторических методов. Историко-генетический метод дал возможность последовательно раскрыть особенности в подготовке и проведении СПП 1934-1936 гг., их идеологической и обвинительной составляющей, что позволило приблизиться к пониманию Московского процесса как политической и идеологической кампании. Историко-сравнительный метод позволил раскрыть сущностные характеристики, выделить общее и особенное в организации процесса и его агитационно-пропагандистской кампании по сравнению с другими известными советскими СПП. Кроме того, историко-сравнительный метод позволил выявить особенности восприятия процесса советским и западноевропейским обществом.

Безусловной составляющей избранной методологии исследования является и междисциплинарный подход. В диссертации использованы в комплексном сочетании средства, идеи и концепции, разработанные в истории, политологии, социологии, социальной психологии. Плодотворным для исследования явился потенциал социальной истории и исторической антропологии, наработки и выводы которых позволили приблизиться к пониманию общественных настроений.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Московский процесс представляет собой кульминационную и наиболее звучную в общественно-политическом смысле часть единых политических, судебных, репрессивных, идеологических и агитационно-пропагандистских кампаний 1934-1936 гг., нацеленных на окончательную дискредитацию и физическое уничтожение деятелей оппозиции 1920-х гг.

2. Московский процесс характеризует особая, по сравнению с предыдущими СПП 1920-начала 1930-х гг., форма организационно-политического руководства. Проведение целиком постановочного процесса требовало перед его организаторами не просто сужения количества властных органов - участников проведения процесса, а их полную подмену отдельными партийными функционерами наиболее близкими к И.В. Сталину. Такая форма

организационно-политического руководства, несмотря на отсутствие И.В. Сталина в Москве, позволяла оперативно, без лишних временных затрат, длительного обсуждения и согласования между различными инстанциями решать все возникающие по ходу подготовки процесса вопросы. И.В. Сталин играл решающую роль в организации «послекировских» кампаний. Основными исполнителями его указаний стали Л.М. Каганович и Н.И. Ежов. Распределение полномочий между ними определялось их ролью в партийном аппарате.

3. Обвинительная и аналогичная ей идеологическая составляющая Московского процесса разрабатывались под личным контролем И.В. Сталина и его соратников в ходе карательных мероприятий 1934-1936 гг. На протяжении этого периода они претерпели значительные изменения, связанные с внедрением в их антизиновьевскую направленность антитроцкистских мотивов и с отходом от сложных теоретических вопросов в сторону грубых фальсификаций о подготовке террористических актов.

5. Неотъемлемой частью Московского процесса стала сопровождающая его агитационно-пропагандистская кампания. В ходе кампании были использованы технологии и методы мобилизационных кампаний конфронтационного типа, благодаря которым достаточно в сжатые сроки удалось привлечь внимание населения к процессу. Между тем, организация кампании не была лишена значительных провалов, связанных с ограниченными возможностями ее ресурсного обеспечения.

6. Основой агитационно-пропагандистской кампании Московского процесса выступал образ «врага народа», сконструированный контекстом внутрипартийной борьбы 1920-х гг. По инициативе И.В. Сталина на заключительном этапе кампании произошло существенное расширение рамок образа «врага народа» за счет увеличения набора их преступлений. Такие обвинения, как «шпионаж», «диверсия», «измена родине», «вредительство» вызывали естественное негодование советских граждан, способствовали сохранению и поддержанию авторитета власти и, следовательно, являлись более эффективным пропагандистским оружием.

Практическая значимость диссертации обуславливается тем, что в ней рассматриваются до сих пор не получившие отражение в исторических

исследованиях вопросы организации Московского процесса как политико-идеологической кампании. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для подготовки учебных пособий, обобщающих научных трудов, спецкурсов и семинаров по Отечественной истории XX в. В частности, интересным и значимым представляется организация спецкурсов и семинаров по компаративному (сравнительному) изучению СПП в другие периоды российской и советской истории, а также по истории советской пропаганды и ее влияния на массовое сознание. Отдельные положения работы могут использоваться представителями других научных дисциплин – правоведами, политологами, социологами, культурологами.

Апробация работы. Диссертация подготовлена на кафедре Истории Российского государства факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Всего по теме диссертации опубликовано восемь статей, из них три в журналах, рекомендованных ВАК, общим объемом 7,1 п.л. Результаты исследования использовались также в выступлениях на научных конференциях, в том числе на международном семинаре «Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения» (11-12 сентября 2009 г.)

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (по два параграфа в каждой), заключения и списка используемых источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определяются его объект и предмет, цель и задачи, хронологические и территориальные рамки, методологическая основа, дается оценка степени изученности проблемы и характеристика источниковой базы, показана новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе - «**Предыстория Московского открытого процесса 1936 г.**» - анализируются проведенные после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. политические, судебные и репрессивные кампании против бывших деятелей оппозиции, их информационное, идеологическое, агитационное сопровождение, исследуется содержание технических вопросов, возникших при

организации Московского процесса, определен круг ответственных за его проведение партийных работников, рассмотрены вопросы выработки, принятия и реализации на практике властных решений о подготовке процесса. Предпринятое исследование «послекировских» СПП и других репрессивных мероприятий, предшествующих Московскому процессу, дает возможность представить поэтапно формирование обвинений против бывших оппозиционеров.

На первом этапе (2-15 декабря 1934 г.) официальной версией убийства С.М. Кирова стала версия о причастности к убийству «белогвардейцев-террористов». Приведенные в работе документальные свидетельства позволяют утверждать, что в это же время по инициативе И.В. Сталина начинает разрабатываться версия о причастности к убийству лидеров зиновьевской оппозиции. 15 декабря эта версия была озвучена официально.

В течение второго этапа (15 декабря 1934 г. – 19 января 1935 г.) перед следствием была поставлена задача доказать вину зиновьевцев в подготовке террористического акта. В работе проанализированы содержание и методика следствия, а также проведенные по его результатам закрытые судебные процессы по делу т.н. «Московского центра» (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и др.; 15-16 января 1935 г.) и т.н. «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и др.» (16 января 1935 г.). В диссертации исследуются причины, препятствующие решению поставленной перед следствием задачи и ставшие причиной неудач закрытых процессов. Документы свидетельствуют, что одной из главных причин этого явились недостатки следственной работы. Воспринятые как руководство к действию слова И.В. Сталина «ищите убийц среди зиновьевцев», подчеркивается в диссертации, не были в достаточной мере подкреплены конкретными директивами по методам ведения и целям следствия, что вызвало провалы в работе следователей. Последние, кроме того, углубившись в теоретические и политические вопросы, «спасовали» перед опытными и идейно закаленными в острой полемике 1920-х гг. старыми большевиками и не смогли заставить их признать сформулированные заранее обвинения. В результате организаторам процесса, как показано в диссертации, потребовалось пойти на фальсификацию

материалов следствия и процесса при публикации их в СМИ, провести явно не соответствующую масштабам личностей обвиняемых (старые большевики, бывшие известные в партийных кругах деятели оппозиции) краткосрочную, неинтенсивную и противоречивую агитационно-пропагандистскую кампанию.

Особое место в главе уделяется анализу реакции на события 1934-1935 гг. т.н. «друзей СССР» в лице просоветски настроенных зарубежных писателей. Как свидетельствуют документы, «друзья СССР» были деморализованы началом репрессий и, в связи с неполнотой их пропагандистского и информационного обеспечения, требовали объяснений их мотивов, предупреждая, что возникший на Западе информационный вакуум является причиной тиражирования антисоветских идей. Все эти требования игнорировались руководством страны и лично И.В. Сталиным.

Анализируемые в работе документы позволяют проследить процесс формирования политической и идеологической направляющей следствия. Отмечается, что если до начала 1935 г. оно придерживалось исключительно антизиновьевской направленности, то затем по инициативе И.В. Сталина в его идеологическую составляющую начинают внедряться антитроцкистские мотивы, когда разоблачение «зиновьевцев» сопрягалось с разоблачением троцкистов и лично Л.Д. Троцкого. На протяжении третьего этапа (январь 1935 г. - июнь 1936 г.) силами органов государственной безопасности, партийного аппарата и под личным контролем И.В. Сталина были проведены репрессивные акции и карательные мероприятия против троцкистов. Как показано в диссертации, важным для следствия стал факт нахождения архива Л.Д. Троцкого. Несмотря на то, что документальный состав архива не отражал оппозиционной деятельности Л.Д. Троцкого, но именно сам факт его нахождения и полученные следователями комментарии о якобы имевшем месте использовании архива в антипартийной деятельности позволили формально подключить Л.Д. Троцкого к делу.

Предварительное следствие на протяжении третьего этапа стало более длительным и тщательным. Изменилась методика работы с арестованными и методика отбора подсудимых на процесс – длительность следствия позволила неспешно подбирать и отсеивать участников процесса в зависимости от

степени их управляемости. Следователи, руководствуясь указанием получить как можно больше фактов о террористической деятельности, отказались от «политических дискуссий» с подследственными и перешли к более грубым и простым фальсификациям. Именно масштабы, временная продолжительность, методы проведенного следствия, простота основной версии обвинения привели к накоплению необходимых фальсификаций, с помощью которых и оказывалось давление на будущих фигурантов Московского процесса.

На основе опубликованных источников, зарубежной и отечественной историографии в диссертации затрагивается вопрос о степени фальсификации обвинений, предъявленных подсудимым Московского процесса. Отмечается, что некоторые упоминаемые на процессе факты действительно имели место в середине 1920-х гг. В частности, несмотря на роспуск и окончательный разгром оппозиции после XV съезда ВКП(б), встречи и разговоры бывших оппозиционеров между собой продолжались, имеются свидетельства и о контактах некоторых деятелей партии с Л.Д. Троцким и Л. Седовым. Между тем, указывается в диссертации, в ходе подготовки Московского процесса все эти факты, признанные большинством обвиняемых еще в середине 1920-х гг., были крайне тенденциозно интерпретированы и переплетены с преобладающими фактами прямой фальсификации об их террористической деятельности. Скорее всего, в данном случае можно говорить о стремлении ликвидировать потенциальную или возможную оппозиции в лице ее бывших руководителей и активных участников (прежде всего, из Ленинградской партийной организации), участвующих в оппозиционных выступлениях 1926-1927 гг. против разросшегося бюрократического аппарата, лично против И.В. Сталина и его ближайшего окружения. В этой связи можно согласиться с историком А. Блюмом, что обвинения строились на основе «криминализации повседневности» подсудимых, когда, например, случайные и профессиональные встречи, поездки, беседы интерпретировались как «политически враждебное действие»²⁷.

Важное место в главе отводится проблеме соотношения числа арестованных на этапе предварительного следствия и непосредственных

---

²⁷ Цит. по: Блюм А. К изучению политических процессов в Советском Союзе и послевоенной коммунистической Европе / Судебные процессы в СССР и коммунистических странах Европы ... С. 8.

обвиняемых на процессе. По самым приблизительным подсчетам, отмечается в диссертации, по делу троцкистско-зиновьевского центра арестам подверглись свыше восьмидесяти человек. Среди них было несколько десятков старых большевиков, которым уделялось значительное внимание на следствии, но которые не были выведены на процесс. Между тем, среди подсудимых на процессе было много политически незначимых фигур, которые привлекли внимание руководства страны лишь на этапе предварительного следствия, когда они были отобраны среди многочисленных арестованных как наиболее податливые на признания. Представленные на процессе шестнадцать обвиняемых были, согласно распространенной со времени процесса эсеров 1922 г. судебной практике, разделены на две группы – старые большевики, чьи показания были преимущественно малоинформативными, и эмигрировавшие в СССР молодые члены германской компартии, охотно дававшие подробные показания. Безусловно, подобного рода конструкция создавала основу для тяжелого психологического давления на подсудимых. В диссертации отмечается, что основными методами получения необходимых показаний стали «конвейерные» допросы, угрозы в адрес семьи, запугивание расстрелом и т.д.; практически все подсудимые первой группы ранее подвергались неоднократным арестам, допросам, ссылкам, тюремному заключению, находились в подавленном моральном состоянии.

Предпринятое в работе исследование вопросов организационно-политического обеспечения Московского процесса дает возможность реконструировать ставшие характерными для середины 1930-х гг. механизмы и технологии СПП.

Автор обращает внимание на то, что организаторы процесса отказались от создания специальных комиссий и групп, что было характерно для СПП 1920-х – начала 1930-х гг. Теперь роль подобных институтов стали выполнять отдельные партийные функционеры. Такая форма организационно-политического руководства, несмотря на отсутствие И.В. Сталина в Москве (с 14 августа по 25 октября 1936 г. он находился в отпуске в Сочи), обеспечивала оперативное принятие решений о процессе, практически исключала их из

этапов длительного обсуждения и согласования между различными инстанциями.

В исследовании определяется роль И.В. Сталина и его советников в организации Московского процесса. Документы свидетельствуют о руководящей роли вождя в организации процесса. Он был его инициатором, он же определил и контролировал разработку его идеологической составляющей, определил ответственных за его проведение, помимо решения вопросов, связанных с технической организацией процесса, И.В. Сталин утверждал все, что касалось его освещения в печати и представления на международном уровне. Несмотря на то, что решение организационных вопросов было предоставлено оставшимся в Москве доверенным лицам, они не только высылали всю информацию о процессе, но и выясняли отношение И.В. Сталина к тем или иным вопросам, возникающим по ходу процесса. Помимо ответа на телеграммы секретарей ЦК, И.В. Сталин давал директивные указания и по своей инициативе.

Архивные поиски показали, что основными исполнителями воли вождя в деле организации процесса стали Н.И. Ежов и Л.М. Каганович. Распределение полномочий между ними определялось их ролью в партийном аппарате. В работе подробно рассматриваются последствия проведенных в 1935 г. кадровых перестановок в Политбюро.

В 1936 г. Л.М. Каганович - заместитель И.В. Сталина в Политбюро во время его отпусков - являлся вторым человеком в партии, оставался ведущей политической фигурой в сталинской руководящей группе и принимал активное участие в политической жизни страны. Он был в курсе практически всех вопросов по организации Московского процесса. Являясь главным информатором И.В. Сталина, он согласовывал между собой различные решения о процессе и приводил их в подходящий для вождя вид.

Н.И. Ежов курировал реализацию кадровой политики партии, что в условиях партийной и государственной номенклатуры имело принципиальное значение. Несмотря на то, что Н.И. Ежов не входил в состав Политбюро ЦК ВКП(б), он стал принимать активное участие в его работе. Н.И. Ежов являлся контролером проводимого НКВД следствия по делу об убийстве С.М. Кирова

и, следовательно, представителем И.В. Сталина в НКВД. Кроме того, Н.И. Ежову было поручено «общее наблюдение» над Московским процессом. Все это, утверждается в работе, давало ему возможность занять статус негласного лидера, отвечающего за проведение некоторых политических акций в стране, оперативно исполнять различные указания И.В. Сталина, принимать участие в осуществлении следствия и контролировать решение не только организационных вопросов, связанных с проведением кампании, но и реализовывать на практике указания вождя по ее идеологическому содержанию. В диссертации рассматриваются причины столь стремительного карьерного роста и широкого участия Н.И. Ежова в деле организации процесса.

Документы фонда Н.И. Ежова позволяют изучить содержание технических вопросов, возникших при подготовке Московского процесса - временные рамки слушания дела, порядок проведения процесса, время подготовки обвинительного заключения и приговора, распределение билетов на процесс, порядок освещения и правила публикации материалов процесса в печати, порядок его киносъемки и др.

В целом, предпринятое изучение различных аспектов «послекировских» СПП и механизма подготовки Московского процесса дает возможность говорить о единой по смыслу и замыслу целенаправленной политической, репрессивной, идеологической, агитационно-пропагандистской и мобилизационной кампании по физическому уничтожению и дискредитации в глазах общества политических противников режима. Московский процесс являлся кульминационной и наиболее звучной в общественно-политическом смысле частью этой кампании.

Во второй главе - **«Идеолого-пропагандистское обеспечение Московского открытого процесса 1936 г. и его общественный резонанс»** - рассматриваются различные аспекты проведения процесса, изучается организация агитационно-пропагандистской кампании в центре и на местах, ее идеологическое содержание, а также отклики о процессе в СССР и за рубежом.

Документы фонда Н.И. Ежова позволяют рассмотреть такие аспекты проведения Московского процесса, как подготовка обвинительного заключения и приговора, состав и роль судейской коллегии, поведение подсудимых, роль

главного обвинителя – А.Я. Вышинского, последовательность и суть судебных слушаний.

Дело о так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» рассматривалось Военной Коллегией Верховного суда СССР на открытом судебном заседании 19-24 августа 1936 г. Шестнадцать подсудимых процесса условно можно разделить на две группы. Первая состояла из известных большевиков - Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов. Вторая – из молодых членов германской компартии, эмигрировавших в СССР - Е.А. Дрейцер, И.И. Рейнгольд, Р.В. Пикель, Э.С. Гольцман, Фриц-Давид (И.-Д. Круглянский), В.П. Ольберг, К.Б. Берман-Юрин, М.И. Лурье, И.Л. Лурье. По приговору обвиняемые были признаны виновными в организации убийства С.М. Кирова и в подготовке терактов против руководства Советского государства. Подсудимые были приговорены к высшей мере наказания. 25 августа 1936 г. приговор был приведен в исполнение. 13 июня 1988 г. приговор был отменен.

В работе отмечается, что выбранная руководством страны форма целиком постановочного процесса определила характер осуществления судопроизводства. Исследование стенограммы суда подтвердило, что слушание свелось к формальной процедуре с видимым соблюдением уголовно-процессуальных норм, оно характеризовалось подконтрольностью судебных органов партийному руководству, а также заранее predetermined исходом дела. В ходе судебных заседаний не было предоставлено ни одного доказательства какой-либо преступной деятельности подсудимых, обвинения базировались только на их личных признаниях.

Документы свидетельствуют, что судебные заседания не всегда проходили гладко. Показания обвиняемых первой группы часто носили малоинформативный характер, были однословными, обвиняемые вступали в споры с главным обвинителем. Подсудимые с известными политическими именами отказались признать ряд наиболее абсурдных обвинений, а некоторые не признали свое участие в террористической деятельности.

Характерной особенностью СПП 1934-1936 гг., подчеркивается в диссертации, является сопровождение их мощной агитационно-пропагандистской кампанией, в сущности, идеологической составляющей любого СПП этого периода. В связи с этим особое внимание в главе уделяется идеологическому содержанию Московского процесса. В работе отмечается, что идеологическая составляющая процесса по своему содержанию и смыслу совпала с его обвинительной составляющей, разработанной в ходе следствия 1935-1936 гг. «Программным» идеологическим документом, в котором были обозначены цели и содержание предстоящей агитационно-пропагандистской кампании, стало закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. В работе подробно анализируется содержание и смысл этого документа.

Помимо закрытого письма, вектор кампании на всем ее протяжении определялся посредством многочисленных газетных публикаций. В диссертации отмечается, что из-за отсутствия документов идеологического аппарата ЦК ВКП(б) за 1930-е гг., материалы «Правды» рассматривались как основной источник для реконструкции указаний руководства страны по освещению в СМИ Московского процесса, для понимания технологий и содержания его агитационно-пропагандистской кампании. Исследование показало, что используемые в «Правде» средства пропагандистского воздействия и, прежде всего, технологии формирования «образа врага», должны были обеспечить «единодушную» и «всенародную» ненависть к нему и, тем самым, сплотить общество, легитимизировать в массовом сознании политику террора.

В работе акцентируется внимание на постепенном усилении роли Л.Д. Троцкого в идейном содержании кампании, о чем свидетельствуют материалы «Правды». Подобная тенденция дает возможность согласиться с другими исследователями в том, что процесс мыслился как средство дискредитации мощного и влиятельного за рубежом источника идейной критики сталинизма в лице Л.Д. Троцкого. Исследование показало, что в дни Московского процесса в Европе и Америке начинает набирать силу движение, ставившее под сомнение не только обвинения, но и всю сущность процесса. В диссертации анализируется роль Л.Д. Троцкого и Л. Седова по инициированию и

руководству этого движения, по подготовке контрпроцесса и по организации международной следственной комиссии для проверки прозвучавших на Московском процессе обвинений.

Используемые в работе материалы региональных, местных и первичных парторганизаций позволили реконструировать механизм проведения агитационной кампании Московского процесса на региональном уровне. Документы свидетельствуют, что этот механизм состоял из традиционного, неоднократно отработанного в ходе проведения кампаний социальной мобилизации, набора пропагандистских средств, которые позволили достаточно в сжатые сроки развернуть массовую работу среди населения по обсуждению материалов процесса.

В диссертации приводятся факты значительных недочетов в организации пропагандистских мероприятий на местах. Отсутствие или низкий уровень пропагандистов, агитаторов, беседчиков, партактивов и агитколлективов, нехватка центральных газет, средств наглядной агитации и др. свидетельствуют, по мнению автора работы, об ограниченных возможностях ресурсного обеспечения кампании. Подобная ситуация, отмечается в диссертации, препятствовала охвату партийной агитацией как можно большего количества населения, приводила к отсутствию непрерывности в агитационно-пропагандистской работе во время процесса и, в целом, являлась одной из причин некоторых провалов в проведении кампании.

Особое внимание в главе уделяется анализу настроений рабочих г. Москвы и Московской области по отношению к Московскому процессу. Документы свидетельствуют о сохранении многочисленных, противоречивых, неоднородных и далеких от штампов официальной пропаганды настроений. Несмотря на значительную поддержку Московского процесса, отмечается в работе, в обществе отсутствовало то единодушие, о котором сообщалось в официальных источниках.

Фальсифицированный характер Московского процесса был очевиден и для многих зарубежных деятелей и организаций, в том числе позитивно относящихся к СССР. Анализ переписки и дневниковых записей просоветски настроенных писателей показал, что процесс не только шокировал их, но

серьезно подорвал престиж СССР в глазах интеллигенции Запада. В работе отмечается, что в связи с набирающими оборот репрессиями многие западноевропейские писатели прервали свои отношения с редакциями советских изданий, отдельные левые журналы, сотрудничавшие с советскими, приняли решение о добровольном самороспуске. Между тем, руководство СССР не обращало внимания на звучащие с разных сторон призывы пересмотреть результаты проведенного процесса и прекратить в дальнейшем подобную судебную практику.

Важное место в главе отводится партийно-государственному руководству агитационной кампанией Московского процесса. В частности, отмечается, что все уровни кампании – механизм организации, идеологический смысл, пропагандистское обеспечение - были определены и контролировались И.В. Сталиным. Секретари ЦК ВКП(б) и, прежде всего, Н.И. Ежов и Л.М. Каганович ежедневно информировали вождя о том, как проходил суд, как отвечали на вопросы обвиняемые, подчеркивали реакцию иностранных корреспондентов. И.В. Сталин являлся последней инстанцией при определении целесообразности публикации в советской и иностранной печати материалов о процессе, а также определял, в каком виде некоторые из них должны комментироваться.

Анализируемые в диссертации документы показывают, насколько активным было участие Н.И. Ежова в подготовке Московского процесса. Он не только принимал участие в осуществлении следствия и контролировал решение организационных вопросов по проведению процесса и его агитационно-пропагандистской кампании, но и воплощал в конкретных документах указания вождя по ее идеологическому содержанию. В частности, им был подготовлен проект упомянутого выше закрытого письма ЦК ВКП(б).

Особое внимание в диссертации уделяется заключительному этапу агитационно-пропагандистской кампании, когда в ее идейном содержании произошли значительные изменения. Начало этому процессу было положено шифротелеграммой И.В. Сталина В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу 6 сентября 1936 г. В работе подробно рассматривается содержание и смысл этого достаточно неоднозначного и многослойного документа.

В нем было указано на ошибки, допущенные «Правдой» в деле освещения процесса. По словам И.В. Сталина, газета все свела к конфликту внутри партии и не написала о существовании у подсудимых политической платформы. Между тем, отход от этого положения, подчеркивается в работе, был сделан с личного согласия И.В. Сталина в ходе следствия 1935-1936 гг. Изучение причин подобных настроений И.В. Сталина показало его озабоченность тем, что частью граждан в СССР и за границей процесс был воспринят как результат внутривнутрипартийного конфликта. Отмечается, что подобные общественные настроения действительно нашли отражение в документах. Анализ агитационного сопровождения Московского процесса показал, что в его основе лежал образ «врага», определяемый преимущественно контекстом внутривнутрипартийной борьбы 1920-х гг. В шифротелеграмме И.В. Сталина круг обвинений был расширен и в политическую составляющую образа «врага» были введены вредительские мотивы, нашедшие отражение в таких терминах, как «шпионаж», «диверсия», «измена родине», «вредительство». Сконструированный одновременно на политической и вредительской основах образ «врага народа» более адекватно воспринимался обывателями, позволял руководству страны поддерживать социум в состоянии «осажденной крепости» и, следовательно, являлся более эффективным пропагандистским оружием. Указанные изменения, подчеркивается в диссертации, ознаменовали переход кампании в новую стадию, связанную с постепенным усилением конфронтационных мотивов в пропаганде. Кроме того, шифротелеграмма И.В. Сталина явилась сигналом продолжения широкомасштабной расправы над оппозиционерами. После Московского процесса и в связи с изменением обвинительной составляющей репрессивной политики, произошло новое усиление как внесудебных, так и судебных репрессий, которое достигло своего апогея в 1937-1938 гг.

В **заключении** диссертации сформулированы итоги работы, обобщены ее результаты и выдвинуты перспективы для дальнейших исследований.

В 1930-е гг. фальсифицированные обвинения выносились как органами внесудебной расправы, так и судебными органами на закрытых и открытых судебных заседаниях, в показательном или упрощенном порядке. Участие

судебных органов в подготовке и проведении СПП свидетельствует о подчинении судебной системы политическим интересам и о ее превращении в инструмент государственного насилия.

Проведенное исследование показало, что Московский процесс представляет кульминационную и наиболее звучную в общественно-политическом смысле часть единых по смыслу и замыслу политических, репрессивных, судебных, идеологических, агитационно-пропагандистских «послекировских» кампаний 1934-1936 гг. В ходе них был накоплен опыт в проведении репрессивных и следственных мероприятий, а также постепенно разрабатывалась обвинительная версия и аналогичная ей идеологическая составляющая, ставшая затем основой агитационного сопровождения процесса. Отметим, что идеологический фон кампании на протяжении 1934-1936 гг. претерпевал неоднократные изменения, связанные с внедрением и усилением в нем сначала антитроцкистских мотивов, а затем, по завершению Московского процесса, «вредительских» и «шпионских».

В диссертации реконструируется «сценарий» Московского процесса. Организаторы процесса отказались от создания специальных комиссий и групп, что было характерно для СПП 1920-х-начала 1930-х гг. Роль подобных институтов стали выполнять отдельные партийные функционеры. Такая форма организационно-политического руководства обеспечивала недопущение разногласий и конфликтов между различными институциями, позволяла оперативно принимать те или иные решения о процессе.

В диссертации оценены пределы влияния и участия политических фигур в подготовке и проведении Московского процесса и в целом в репрессивной политике 1930-х гг. В исследовании неоднократно подтверждалась руководящая, инициативная роли И.В. Сталина в организации репрессивных кампаний 1934-1936 гг., в определение их идеологической и агитационной составляющих. Анализируемые в диссертации документы показывают, насколько активным было участие Н.И. Ежова как в подготовке Московского процесса и в разработке идеологического содержания кампании, так и в репрессивной политике в целом. Н.И. Ежов знал, в каком ключе необходимо информировать И.В. Сталина о процессе, был знаком с установленными им

«правилами игры», был в курсе его настроений и планируемых им дальнейших направлений репрессивных ударов. Между тем, обнаруженные автором работы документы не позволяют говорить о том, что Н.И.Ежов занимал более самостоятельное, по сравнению с другими известными партийными функционерами, положение. Вся его деятельность контролировалась, прежде всего, Л.М.Кагановичем. Через руки последнего прошли практически все документы процесса, он был в курсе большинства вопросов по его организации и проведению. Безусловно, это не была чисто техническая роль, и многие вопросы Л.М. Каганович, замещая И.В. Сталина в Политбюро, должен был решать самостоятельно. С другой стороны, ни Н.И.Ежов, ни другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) не были до конца посвящены в сталинские замыслы основных сценариев организации террора и, например, считали, что дальнейших открытых процессов не будет, а вся репрессивная политика завершится уничтожением бывших оппозиционеров.

Проведенное исследование политических, пропагандистских и судебных технологий подготовки и проведения Московского процесса позволяют сделать следующие выводы о его функциональном предназначении. Особая природа и место СПП в репрессивной политике советского государства связаны с тем, что они представляли собой видимую и формально законную часть репрессий, с помощью которой руководство страны добивалось конкретных целей и задач. Показательный процесс являлся незаменимым превентивным средством борьбы с потенциальным противостоянием режиму в условиях возможной войны. Кампания была направлена на дискредитацию и ликвидацию бывшей, реальной (прежде всего, в лице Л.Д. Троцкого и зарубежных троцкистов) и потенциальной оппозиции, возможной «пятой колонны».

Агитационно-пропагандистская кампания, посвященная Московскому процессу, имела задачу усилить идейно-политическое влияние процесса на массы, использовать процесс как фактор повышения авторитета партийно-государственного руководства СССР в партии и широких слоях населения. С помощью агитационно-пропагандистской кампании открытый процесс стал средством массовой социальной мобилизации, что делало его одним из наиболее эффективных воспитательно-пропагандистских средств подавления и

искоренения оппозиционных настроений и инакомыслия внутри советского общества, средством сохранения и поддержания авторитета власти. Московский процесс позволил канализировать потенциал социального недовольства в ненависть против «врагов», поскольку проведенная в ходе него агитационно-пропагандистская кампания являлась идентификатором «своих» и «чужих». Кроме того, Московский процесс и в целом показательные процессы 1930-х гг., как одна из составляющих мобилизационной политики режима, позволяли подключить общество к массовому осуждению и расправе над «врагами народа», сделать его соучастником проводимых в стране репрессий и, тем самым, легитимизировать политику террору. Именно это отличает природу показательных процессов от других форм судебных и внесудебных репрессий.

Сделанные в диссертации выводы о том, насколько эффективным являлся созданный механизм обработки общественного сознания и формирования соответствующих общественных настроений вокруг процесса, показывают, что, несмотря на все усилия пропаганды, отношение к Московскому процессу в стране, а тем более за ее пределами, было амбивалентным, а неприятие сталинской политики репрессий и антисталинские настроения были очевидным фактом общественной жизни.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Открытый московский процесс 1936 г. как мобилизационная политическая кампания // Российская история. - 2010. - № 6. - С. 161-170. 1,3 п.л.
2. Этапы формирования обвинений против лидеров троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1934-1936 гг. // Вестник архивиста. - 2011. - № 3. - С. 193-203. 0,6 п.л.
3. «Стрелять придется довольно внушительное количество». Письмо Н.И. Ежова И.В. Сталину. 1936 г. // Исторический архив. - 2011. - № 4. - С. 73-81. 1 п.л.

Публикации в других изданиях:

4. «На процесс допускаются по спискам, утвержденным т. Ежовым»: Документы РГАСПИ о «процессе 16-ти»: 1936 г. // Отечественные архивы. - 2008. - № 2. - С. 113-128. 1,1 п.л.
5. Механизм организации Первого показательного процесса 19-24 августа 1936 г. // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск: Наука, 2010. С. 58-66. 0,8 п.л.
6. «Послекировские» судебные политические процессы 1934-1935 гг. как пролог Московского открытого процесса августа 1936 г. // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск: Наука, 2011. С. 125 - 136. 1 п.л.
7. Московский показательный процесс 1936 г. в зеркале документальной истории // Практический журнал для учителей и администрации школы. № 10 - 2010 - С. 38-43; №11. - 2010 - С. 31-37. 1,1 п.л.
8. Идеологический аспект агитационно-пропагандистской кампании вокруг Московского открытого процесса 1936 г. // Сборник тезисов докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО- 2011». М.: РОССПЭН, 2011. С. 26-30. 0,2 п.л.